

толық ақтау процестеріне іргелі зерттеулер BR24993057» іргелі ғылыми жобасын іске асыру жоспарына сәйкес дайындалды.

МРНТИ: 03.20.00

ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Краснобаева Нелли Леонидовна^{1*}

**¹ Кандидат исторических наук, главный научный сотрудник,
Восточно-Казахстанский технический университет имени Д.Серикбаева.
Казахстан,
г. Усть-Каменогорск, e-mail: krasn_nelli@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9081-0191>**

***Автор-корреспондент
e-mail: krasn_nelli@mail.ru**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования документов по истории Восточно-Казахстанской области, характеризующие важнейшие события 30-х годов XX в. (насилованная коллективизация, седентаризацией кочевого населения, подавлении восстаний и других мер карательного характера). Представляемая научно-исследовательская работа позволяет на основе архивных фондов выявить документы, воспоминания раскрывающие события, связанные с проведением насильственных политических компаний в эти годы в Восточном Казахстане, показать «обратную сторону» процесса так называемых социально-экономических преобразований советской эпохи, трагические последствия, которой долгое время находились под грифом «секретно».

Эти антинародные кампании предполагали очистку ее от классово чуждых элементов. Кулаков, баев, мулл, следовало ликвидировать как класс. С этой целью их пропускали через судилища, расстреливали, отправляли в концлагеря, тюрьмы и высылали за пределы родных мест.

Кампания по раскулачиванию баев спровоцировала массовые крестьянские восстания, которые жестоко подавлялись большевистско-сталинским режимом с применением частей регулярной армии.

Ключевые слова: репрессии, коллективизация, Восточно-Казахстанская область, раскулачивание, хлебозаготовки и крестьянские восстания.

Благодарность. Статья подготовлена в соответствии с планом реализации фундаментального научного проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «ИРН: BR24993057 фундаментальные исследования основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации».

IRSTI: 03.20.00

EAST KAZAKHSTAN IN THE 1930s: HISTORICAL DATA AND EYEWITNESS ACCOUNTS

Krasnobayeva Nelly Leonidovna^{1*}

¹ Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher, D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan.

E-mail: krasn_nelli@mail.ru | [ORCID: 0000-0002-9081-0191](https://orcid.org/0000-0002-9081-0191)

Corresponding author

E-mail: krasn_nelli@mail.ru

Abstract. This article presents the results of a study of archival documents on the history of the East Kazakhstan region, highlighting key events of the 1930s, including forced collectivization, sedentarization of the nomadic population, suppression of uprisings, and other punitive measures. Based on archival materials, the study identifies documents and memoirs that shed light on violent political campaigns in Eastern Kazakhstan and reveals the “reverse side” of the Soviet-era socio-economic transformations, the tragic consequences of which remained classified as “secret” for many years.

These anti-popular campaigns aimed at eliminating so-called class-alien elements. Kulaks, bais, and mullahs were subjected to trials, executions, imprisonment, concentration camps, and exile. The campaign to dispossess wealthy bais provoked mass peasant uprisings, which were brutally suppressed by the Bolshevik–Stalinist regime with the use of regular army units.

Keywords: repression, collectivization, East Kazakhstan region, dispossession, grain procurement, peasant uprisings.

Acknowledgments. This article was prepared in accordance with the plan for the implementation of the fundamental scientific project of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan: *IRN: BR24993057 – Fundamental studies of the main basic categories and*

Введение. В истории Казахстана 30-е годы XX века занимают особое место по сложности происходивших политических и экономических процессов: последствия гражданской войны, политика коллективизации, голод, репрессии и др.

Характерной особенностью данного периода стало отсутствие достаточного источникового материала, в первую очередь качественных статистических данных, что способствовало появлению мифических цифр и приблизительных расчетов.

Несмотря на значительное расширение направлений исследовательских поисков, обращением историков к ранее «закрытым» для изучения темам, введением в научный оборот новых комплексов источников, невозможно представить целостную картину проведения репрессивной политики вне рассмотрения ее осуществления на региональном уровне.

Представляемая научно-исследовательская работа позволяет на основе архивных фондов выявить документы, воспоминания раскрывающие события, связанные с проведением политических компаний в 30-е годы XX века в Восточном Казахстане, показать «обратную сторону» процесса социально-экономических преобразований советской эпохи, трагические последствия которой долгое время находились под грифом «секретно».

В республике, коллективизация должна была завершиться уже весной 1932 года. Эти планы не касались тех районов, где были развиты кочевое и полукочевое хозяйства (срок 1933 годы). Так, в 1928 году в республике было зарегистрировано не более 2% коллективных хозяйств. Уже год спустя их уже было более 50%, а к концу 1931 года – порядка 65%. К этому времени в 78 районах Казахстана (из 122) коллективизация превысила 70%, а кое-где достигла всех 100% (Козыбаев, 2006: 192).

Коллективизация сельского хозяйства осуществлялось в основном репрессивными мерами, можно в качестве примера привести данные из Записки заместителя председателя ОГПУ Г.Г.Ягоды руководящим работникам ОГПУ с предложением разработать репрессивно-административные меры в отношении кулачества от 11 января 1930 г. «Вопрос о кулаке сейчас стоит настолько актуально притом обостренном положении (классовая борьба при реконструкции сельского хозяйства) в деревне, что необходимо немедленно наметить целый ряд мер в отношении сплошной очистки деревни от кулацкого элемента. Кулак как класс должен быть уничтожен. Если мы быстрым, решительным ударом, как во время хлебозаготовок, не нанесем удара, мы к моменту весенней посевной кампании будем иметь ряд сплошных восстаний и срыв кампании. Нам необходимо...расправиться с кулаком и раз и навсегда сломать ему хребет. Меры помимо экономических, которые мы также должны наметить (какие), в

первую очередь необходимо разработать меры репрессивно-административного характера, как-то: СОУ должно разработать области, откуда немедленно надо выселить, арестовать, заключить в лагерь кулачье» (ЦА ФСБ РФ, Ф.2: 393-394).

В постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. рекомендовалось количество ликвидируемых кулацких хозяйств и их дифференциация по районам, с тем, чтобы общее число ликвидируемых хозяйств по всем основным районам составляло в среднем, примерно – 3-5 %. Ориентировочно, установлено распределение заключаемых в лагерь и подлежащих высылке в Казахстан – 20-25 тыс. семейств. Районами высылки должны быть необжитые и малообжитые местности с использованием высылаемых на сельскохозяйственных работах или промыслах (лес, рыба и проч.). Высылаемые кулаки подлежали расселению в этих районах небольшими поселками, которые управляются назначаемыми комендантами. «При конфискации у них имущества должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимым на первое время минимум продовольственных запасов. Денежные средства высылаемых кулаков также конфискуются с оставлением, однако, в руках кулака некоторой минимальной суммы (до 500 руб. на семью), необходимой для проезда и устройства на месте (РГАСПИ, Ф.17: 64-65; Исторический архив, 1994: 147-148).

В воспоминаниях В. А. Москаленко (ВКО) сохранилось: «Мы, дети того времени (30-50-х годов прошлого века), которым пришлось хлебнуть «горького до слез». Семья моего отца, Анания Игнатьевича Егорова, впрочем, как сотни односельчан из села Солдатово Катон-Карагайского района (ныне Большенарымского), кормилась с земли. Туго, но концы с концами сводили. Был дом, была живность во дворе, были мы – пятеро детей. В поле работали все – отец, мать, старшие дети, братья отца, их семьи. Сегодня это называли бы семейным подрядом, а в 1929-м отца арестовали, назвав кулаком. Он воевал в гражданскую, после был председателем сельского совета. Когда в третий раз собирали налог, а в амбаре, погребе и на сеновале было уже пусто и платить нечем, отец горько пошутил, махнув в сторону детей, собравшихся в углу кучей: «Вот разве что детей, возьмете». Шутка обошлась очень дорого» (Лежанина, 1989).

Из воспоминаний В.Д. Литвиновой (ВКО) «Помню, как у нас последнюю корову уводили. Мы с мамой сидим... а пришли эти... у нас была корова без рогов, комолая. Большая, красная. Они ее ловили-ловили и не могли поймать... когда-утром-то мама встала, а ее, коровы-то, нет. Ночью увели из сарая...Кто в колхоз заходил, тому оставляли корову, лошадь и из дома не выгоняли. А наши, эта вся порода Литвиновы – они уперлись, никто в колхоз не пошел. Все по отобрали! Все буквально! Вот эти, что в колхоз пошли или уехали, что получше собрали. А остальные все разоренные! Во

двор выгнали и, как хочешь, начинай жизнь. Полушубок под нами был, под ребятишками, и его выдернули (Литвинова, 2013).

В воспоминаниях собранных М. Ш. Мусиным о семье Пискуновых (ВКО) отмечается: «Утром ребятишки, по обыкновению, угнали скотину за околицу, на пастбище. Это пять-шесть голов крупного скота вместе с молодняком, пара рабочих лошадей, с десятков овец. Вечером табун в подворье не вернулся – обобществили. А в дом явились крикуны, из тех, «кто были никем, а стали всем», нажитое растащили, семью же выгнали во двор, под открытое небо. Что ей оставили, можно судить по тому, что весь скарб уместился в тарантайку. На нее же посадили малолетних, и потянулись «классовые враги» с «враженьями» в сторону Борового» (Житие, 1998: 135-138).

Борьба за новую деревню предполагала очистку ее от классово чуждых элементов. Кулаков, баев, мулл, следовало ликвидировать как класс. С этой целью их пропускали через судилища и, оставив им только носильные вещи, и кое-что из постели, высылали за пределы родных мест. Показательным можно считать указание председателя Усть-Каменогорского райисполкома всем сельсоветам и уполномоченным о запрещении самовольного переселения из пределов Казахской АССР от 26 февраля 1929 г. «В связи проводимых мероприятий (политических) ликвидации кулачества замечается массовый побег из пределов района кулаков, для предотвращения такого переселения на всех станциях железной дороги устанавливается порядок продажи билетов только при предъявлении удостоверений от сельсоветов или РИКов, что к выезду с их стороны препятствий не имеется, такими удостоверениями должны снабжаться только лица, коим необходим выезд за пределы района или округа, за исключением кулаков. Срочно проведите разъяснительную работу среди населения о запрещении переселения из Казахской АССР» (ГАВКО, Ф.3: 301).

Кампания по раскулачиванию баев вылилась в массовые антикрестьянские репрессии. За период с 1929 по 1933 гг. тройкой ПП ОГПУ в КазАССР, по не полным данным, было рассмотрено 9805 дел и приняты решения в отношении 22 933 лиц, из которых к высшей мере наказания – расстрелу было приговорено 3386 чел., заключено в концлагеря на срок от 3 до 10 лет - 13 151 чел. (Население, 2013).

По данным архива Восточно-Казахстанской области в 20-30-х годах, проходило 6 крупных восстаний: июль 1920-1921 годы крестьянское восстание в Большенарымском районе; в марте 1922 года подавлено восстание под руководством есаул-генерала Кайгародова; февраль-март 1930 года восстание под руководством Ф.Д. Толстоухова; февраль-март 1931 года Абралинское восстание; март 1931 года в Чебартауском районе (вошел в состав Аягузского района); осень 1931 года восстание в Чингистауском районе (вошел в состав Абайского района).

Примером служит Протокол закрытого совещания при Усть-Каменогорском райкоме ВКП(б) о борьбе с бандитизмом в районе от 1 марта

1930 г. где рассматривались вопросы «О мероприятиях политико-воспитательной работы в районах, пораженных бандитизмом». В выступлении тов. Бак о работе по борьбе с бандитизмом в районе указывается, что «во главе восстания стоит организатор Толстоухов, бывший член партии. Проводимые мероприятия в районах: хлебозаготовки, весенняя с.х. кампания, сбор семфонда, мероприятия партии по ликвидации кулака, как класса вынудило кулачество пойти...на восстание...В настоящее время в основном ликвидация банд закончена, взято бандитов в плен 564, убито 160, ранено – 70, но это не значит, что в конечном итоге банда разгромлена. Главарь банды, Толстоухов, перебросил свою деятельность на Самарский район, не исключены отдельные террористические акты-диверсии» (ГАВКО, Ф.П-6: 8-10).

В предварительной докладной записке Семипалатинского оперсектора в ПП ОГПУ по КАССР о выступлении в Абралинском районе от 14 марта 1931 г. указывалось, что «в период между 10-13 февраля с.г. население целого ряда аулов Абралинского района было охвачено массовым волнением, вылившимся в аулах №№ 1,2,4,5,6,10,11,13,14 в вооруженные бандформирования. Повстанцы, численностью до 800 чел., под белым флагом, объявив протест против проводимых скотозаготовок, требуя прекращения таковых, погашения задолженности хозорганизаций по прошлым скотозаготовкам и обеспечения промтоварами, пытались захватить Абралинский райцентр, но силами организованного в последнем комотряда было оказано сопротивление, в результате которого повстанцы не организованно отступили в разных направлениях к Дегеленским горам, Кентскую и Темирчинскую часть Каркаралинского района...Выступление в Абралинском районе явилось толчком к выступлению в смежных Чингиставском, Каркаралинском и Чубартавском районах, одновременно создало тенденции к повстанческим движениям в Кувском, Кзылтанском, Жарминском и Аягузском районах. В результате весь Чингиставский р-н поражен массовым выступлением, вылившимся в ряде аулов в форму вооруженного выступления (АП РК, Ф.141: 35-38 об).

В документах архива имеются документальные свидетельства о продолжении народных протестов в 1931-1932 годах в Кокпектинском, Жарминском, Аягузском, Аксуатском, Тарбагатайском, Курчумском, Зайсанском, Катон-Карагайском районах. Уникальны сведения о 46 «бандах», действовавших на территории Восточного Казахстана. Общее количество участников народных протестов более 8000 человек из них 275 человек были убиты при подавлении восстания 254 человек расстреляно, 1925 арестовано, вынуждены были бежать в Китай 5111 человек, количество пострадавших родных и близких 227 человек (данные на основе выявленных документов). В подавлении народных протестов участвовали Части особого назначения (ЧОН), райаппараты ОГПУ (отдел объединенного государственного политического управления, Зайсанский кавалерийский погранотряд, Усть-Каменогорские коммунистические отряды).

В целом, можно отметить, что в Восточном Казахстане 1930-1931 годы имело место проявление открытого недовольства, выступали против проводимой коллективизации, перегибов во время мясозаготовок, завышенного продовольственного налога, штрафов и наказаний за неуплату налогов. Документы свидетельствуют, что участниками вооруженных выступлений были представители различных социальных групп: добровольцы, баи, торговцы, кулаки и середняки, аткаминеры, шаруа, коммунисты, совработники, активисты, белогвардейцы и бывшие красные партизаны. Наиболее крупные инциденты произошли в Семипалатинском округе. Здесь с февраля по май 1930 г. волнениями были охвачены Зырянский, Усть-Каменогорский, Шемонаихинский, Катон-Карагайский районы.

Однако, темпы коллективизации отнюдь не были замедлены. За период с 1930 по 1935 гг. в Казахстане процент коллективизации (по числу хозяйств) вырос с 30,3% до 90,5%. Весь Казахстан охватили народные волнения, переходящие в вооруженные выступления. За период с 1929 по 1931 гг. в Казахстане имело место 372 восстания, в которые было вовлечено около 80 тыс. человек. Особо трагическую известность получили крестьянское движение в Сузакском, Шемонаихинском, Бухтарминском, Иргизском, Казалинском, Кармакчинском, Самарском, Абралинском, Биен-Аксуйском, Чингистауском, Барибаевском, Кастекском, Балхашском, Чубартауском, Мангистауском и других районах.

Сильное влияние на ухудшение ситуации оказали процессы седентаризации (переход кочевников на оседлые формы хозяйства и быта), что тесно увязывалось со сменой хозяйственно-культурных типов и составляло основу коллективизации сельского хозяйства.

Документы того времени отличаются фактами перехода аулов и хозяйств к оседло-земледельческим формам производства и быта. Политика «оседания» столкнулась с целым рядом противоречий. С одной стороны, неспособность кочевого хозяйства принимать новые устои (целый ряд хозяйств, выйдя из-под руководства опять занимались скотоводством) привела к уничтожению поголовья скота и продовольственной катастрофе. «Поголовье всех видов скота за эти годы сократилось более чем на 10,5 миллионов единиц» (Абылхожин, 1997: 10). С другой, внедряя многие звенья модернизации, стихийно удавалось избежать несоответствия традиционной форме хозяйства. В частности, общественно-аульный уклад, в общих чертах соответствовал общинному характеру землепользования. Колхозы создали, но у вчерашних полукочевников не было опыта ведения земледелия.

Примером могут служить воспоминания А. Мухамадиева: «Кочевников преследовали, задерживали, арестовывали, расстреливали... Колхозы как бы в насмешку назывались «Тамаша» (прекрасно), «Аткан тан» (рассвело). (Репортаж из века, 1999: 506-509). 25 декабря 1931 года вышло постановление Крайкома и СНК Казахстана, обязывающее полностью завершить оседание кочевников в 1933 году. В июне 1932 года было коллективизировано 73,1%

крестьянских хозяйств. И здесь, по уровню обобществления посевных площадей крестьянского сектора (97,8%) Казахстан занимает первое место в стране (Зеленин, 1989: 4-6). Итогом данных мероприятий стал массовый падеж скота, в связи с невозможностью обеспечить собранных в одно место животных кормами и помещениями (Абылхожин и др., 1989: 63).

По данным всесоюзной переписи скота в феврале 1932 г. с 40 миллионов голов скота в 1928/29 г. к моменту переписи осталось в Казахстане 5397 тысяч голов скота, т. е. сокращение на 85,5%, в том числе с февраля 1931 г. до февраля 1932 г. происходит сокращение на 55% (Советское руководство, 1999: 204).

На XVII съезде ВКП(б) делегат Казахстана Амоссов говорил: «В предыдущие годы мы теряли около 60% поголовья за каждый год... Животноводство Казахстана за последние годы потерпело исключительный урон. В данный момент, к началу 1934 г., в Казахстане сохранилась очень незначительная часть того поголовья, которое имелось в 1929-1930 гг.» (XVII съезд ВКП(б), 1934: 58).

Еще более усугубили положение населения заготовительные кампании, которые с самого начала приняли характер чрезвычайных мер: размер заготовки скота проводились без учета реальной его численности, хлебозаготовки распространялись и на не сеющие, сугубо животноводческие хозяйства.

Прямым следствием политики коллективизации стал голод, который парализовал нормальное развитие регионов. Информация о продовольственных затруднениях начинает появляться в сводках 1928-1929 гг. инстанций различных уровней. Так, из справки Информационного отдела ОГПУ о продовольственных затруднениях в СССР и Казахстане на 2 июня 1930 г. «Обострение ситуации с продовольствием отмечаться по всем районам Семипалатинского округа. На почве голода регистрируются факты заболевания. Употребление в пищу суррогатов и падали приняло широкие размеры. Голодом, главным образом, охвачены: бедняки, батраки и колхозники. Кулачеством используются продзатруднения для провоцирования населения к массовым выступлениям и разгрому амбаров с семфондом. По Усть-Каменогорскому району – 30 сельсоветам испытывают острое продзатруднение по колхозам – 9700 чел., по индивидуальным хозяйствам – 6800 чел. В поселке Бобровка, в колхозе из 344 хозяйств не имеют совершенно хлеба – 100 хозяйств, колхозники настойчиво требуют хлеба, в противном случае угрожают растащить семфонд. В поселке Тарханка, в связи с распределением семфонда, толпа, подстрекаемая кулаками, стала требовать хлеба. Толпой избит колхозник (ГАВКО, Ф.6-П: 23-24).

Из спецсообщения Усть-Каменогорского районного отделения ОГПУ секретарю райкома ВКП (б) о голоде в селах района от 23 марта 1932 г. сообщается, что в с. Глубокое Макаров Михаил, работающий коновозчиком на предприятии Лена-Банк, следуя с грузом, его пара лошадей от истощения в дороге сдохла, после чего он, оставшись безработным при наличии 10 человек

семьи, и не имея хлеба, жена от голода лежит в постели, а ребяташки опухают от голода. В с. Белоусовка член колхоза «Красный Октябрь» Брезинский, проживая в землянке без хлеба, 14 февраля вышел на улицу, в помешательстве кричал «дайте хлеба, помираю с голоду» ... Брезинский тут же был подобран и в елях успокоения ему дали хлеба, наевшись, он помер (ГАВКО, Ф. П-6: 25-26).

Показательно письмо краеведа П. Харламова Председателю Совета Народных Комиссаров В.М. Молотову (1932 г.). О ситуации в Верх-Убинском районе, особенно в селах Секисовке и Быструхе «...почти с самой зимы предсказывали неслыханный в нашем крае голод...Переели все, мякину просяную сушили и толкли, дудки подсолнечные гнилушки всевозможные, обобрали на кустах всю калину, ели ее с солью. Подобрали всю падаль...В Секисовке, где 800 дворов на улицах людей не видно, дома почти через двор пустые. С января по май умерли в этом селе около тысячи человек с маленькими. Много умирает в с. Быструха, Малой Убинке, Черемшанке – это очень крупные села. В нашем селе (Александровке) умерло с маленькими около сорока человек от голода и оспы... требуется немедленная помощь от государства иначе с наступлением жары как бы не открылась эпидемия» (ГАВКО, Ф.310: 1-2).

Тревожные сведения были изложены в письме № 60 от 1932 г. председателя СНК КАССР У. Исаева Сталину: «Во многих казахских районах, по сравнению с 1929 годом, не осталось и половины населения. Общее количество крестьянских хозяйств края сейчас меньше, чем в 1931 г. на 23-25%». В Информационной записке ПП ОГПУ в Казкрайком ВКП(б) говорится, что в «Атбасарском районе продзатруднения принимают крайне острые формы. На почве голода наблюдаются массовые случаи опухания и смерти. С 1 апреля по 25 июля 1932 г. зарегистрировано 111 случаев смертей, из них в июле месяце 43. За это время отмечено 5 случаев людоедства...» (Письмо членов Казахского крайкома ВКП(б) М.И. Кахиани, И.М. Курамысова, У.Д. Исаева И.В. Сталину о невозможности выполнения плана хлебозаготовок от 30 июля 1931 г., Голод в СССР, 2011: 467-468).

В 1932 году Т. Рыскулов, работавший заместителем председателя СНК РСФСР, лично неоднократно информировал Сталина: «Откочевки казаков из одного района в другой и из пределов Казахстана, начавшиеся в конце 1931 г., вновь теперь усиливаются. Смертность на почве голода и эпидемий в ряде казахских районов и среди откочевников принимает сейчас такие размеры, что нужно срочное вмешательство центральных органов. Такого положения, какое создалось сейчас в Казахстане в отношении определенной части казахского населения, ни в одном другом крае или республике нет. Это не просто кочевание (которое обычно происходит летом на небольшое расстояние и при наличии скота), а в значительной части бегство голодных людей в поисках пропитания. Откочевки по отдельным районам доходят до 40-50% всего количества населения районов» (Советское руководство, 1999: 205).

С осени 1931 года началось массовое бегство населения из Казахстана от голода. Начальник Зайсанского погранотряда связывает откочевку аулов с происками закордонных банд, которые якобы совершали набеги и угоняли целые аулы: «Последние месяцы, в особенности февраль и март текущего года, знаменуются беспримерными по своему противопоставлению и произволу нарушения границы бандитскими налетами со стороны пограничных районов Китая. 14 марта с.г. банда китайских казахов напала на 5-й аулсовет Тарбагатайского района, забрала с собой 60 семейств и угнала всех с имуществом и скотом за границу» (10.04.1930 г.) (ГАВКО, Ф. 788: 107-116).

Сохранились документы, содержащие сведения о событиях в Зайсанском, Курчумском, Катон-Карагайском и Тарбагатайском районах в 1928, 1930 и 1931 годах. В качестве примера, можно привести данные Протокола закрытого заседания бюро Курчумского райкома ВКП(б) о политической ситуации в районе в связи с массовыми откочевками в Китай, от 10 августа 1931 г. В докладе «О политическом состоянии района в связи с налетом бандшаек, прибывших из-за границы с целью массовой укочевки казахов», сообщается, что «банда в количестве 40-45 человек, вооруженных трехлинейками, под силой оружия забрала из 2-го аулсовета 13 хозяйств, из 3-го аулсовета – три бригады до 60 хозяйств, из Калгуты до 40 хозяйств, из Сарыюлен – 8 хозяйств, увели с собой до 150 лучших лошадей, 50 коров и верблюдов. Расстрелян бандой член ВКП (б), председатель коммуны «Новая жизнь», также убит один активист лесосплава, без вести пропали 8 человек, избиты и раздеты 64 коммуниста. Угрожает опасность срыва хлебоуборки в 4-м и 5-м аулсоветах, захвачена канцелярия, документы Калгутинского аулсовета и вместе с секретарем зампредаулсовета ограблен селькооператив» (ГАВКО, Ф.133-П: 63-66).

Так, за период с 01.01.1932 г. по 01.01.1933 г. по сведениям только одного пограничного Тарбагатайского района в пределы Китая откочевало 4460 человек (1162 хозяйства), было перегнано 1865 голов скота; в пределы КАССР из Китая возвратились реэмигранты того же района в количестве 741 человека (260 хозяйств) (ЦДНИ, Ф.3-п: 88).

Февраль и март 1930 г. откочевали в Китай: по Маканчинскому району откочевало 269 хозяйств, из них 191 хозяйство – «все колхозники»; по Зайсанскому району – 503 хозяйства, по Тарбагатайскому району /по далеко не полным данным/ – 56 хозяйств; за два месяца по 2 районам /Маканчинскому и Зайсанскому/ откочевало за пределы Семипалатинского Прииртышья – 839 хозяйств, из них 772 бедняцко-середняцких (ЦДНИ, Ф.3-п: 19-21).

Начальник Зайсанского погранотряда сообщает, что на апрель 1930 года только из Зайсанского района откочевало 2460 семей (ГАВКО, Ф.788:107-116).

На основе статистической информации найденной в изученных архивных документах, за рассматриваемый период откочевали 5851 хозяйств, аулов, семей, юрт (разные названия в документах). Вернули 247 хозяйств, аулов, семей, юрт, 160 человек осуждены, 104 выселены из пограничной

полосы на 100 км. в глубь страны (данные цифры получены в фондах архива ГАВКО, ЦДНИ, без данных ДВД и прокуратуры).

Вывод: Архивы хранят большой пласт информации о сложных событиях первой половины XX века. Характерной особенностью данного периода стало отсутствие достаточного источникового материала, в первую очередь статистических данных. Посредством сохранившихся документов и устной памяти-воспоминаний (нарративные источники) раскрываются трагические последствия массовых репрессий в Казахстане в 30-е годы XX в., механизмы репрессивной политики и нарушение политических и гражданских прав при проведении насильственной сплошной коллективизации в отношении крестьянства, подавлении восстаний и других мер карательного характера.

Список литературы и источников:

1. Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана XX века. – Алматы, 1997. – С.10.
2. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф.141.Оп.1. Д.5072. Л.35-38 об.
3. Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л.301. Подлинник.
4. ГАВКО.Ф.П-6. Оп.1. Д.67. Л.Л.8-10. Подлинник
5. ГАВКО. Ф. П-6. Оп.1. Д.177. Л.25-26. Подлинник
6. ГАВКО. Ф. П-6. Оп.1. Д.177. Л.23-24. Копия
7. ГАВКО. Ф. 788. Оп. 1. Д. 35. Л. 107-116. Подлинник
8. ГАВКО. Ф. П-133. Оп.1 Д.4. Л. 63-66. Подлинник
9. ГАВКО. Ф.310. Оп.1. Д.49. Л.Л.1-2.
10. ГАВКО. Ф.788. Оп.1 Д.35. Л.107-116.
11. Голод в СССР. 1929-1934: В 3 т. Т. 1: 1929 – июль 1932: Кн. 1. М.: МФД, 2011. (Россия. XX век. Документы). Стр. 467-468, АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 77. Л. 139–140. Заверенная копия.
12. Житие Прокопа Пискунова, «кулака» и патриота //Унесенные в небытие, сборник повестей, очерков, зарисовок. //Сост. Мусин М. Ш. – Усть-Каменогорск, 1998. – С. 135-138.
13. Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации //История СССР. – 1989. – №2. – С.4-6.
14. Исторический архив, 1994. – № 4. – С.147-148.
15. Козыбаев М.К. Проблемы методологии, источниковедения и историографии истории Казахстана. – Алматы, 2006. – С. 192.
16. Лежанина Е. Род Егоровых из Солдатова и другие. //Газета «Рудный Алтай» №54 от 17 марта 1989 года, №98 от 20 мая 1989 года.
17. Литвинова В.Д. Интервью. Записано Комовой Я., г. Риддер, Село Бутаково, 2013 год.

18. Население Казахстана в 1917-1939 гг., 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9313/> (дата обращения 05.09.2024).
19. Репортаж из века // Сост. Мусин М.Ш. – Усть-Каменогорск, 1999. – С. 506-509.
20. Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг. РОССПЭН, 1999. – С. 204-225.
21. Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг. РОССПЭН, 1999. – С. 207.
22. Центральный архив федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), Ф.2. Оп.9. Д.21. ЛЛ.393-394. Заверенная копия
Центр документации новейшей истории (ЦДНИ). Ф. П - 3. Оп.1. Д.209. Л.88 ЦДНИ. Ф. П-3. Оп.1. Д.294. Л.Л.19-21
23. Российский государственный архив социально-политической истории.
24. (РГАСПИ). Ф.17. Оп.162. Д.8. ЛЛ.64-65. Заверенная копия.
РГАСПИ. Ф.17. Оп.162. Д.8. Л.64-65. Заверенная копия.
25. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.7486. Оп.37. Д.132. Л.15-5. Ротаторный экз. с подлинника.
26. XVII съезд ВКП(б) //Стенографический отчет. М.,1934. – С.58
http://www.hrono.info/dokum/1934vkpb17/2_10.php.

References:

1. Abylhozhin Zh.B. Ocherki social'no-jekonomicheskoy istorii Kazahstana HH veka. – Almaty, 1997. – P.10.
2. Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan (AP RK). F.141. Op.1. D.5072. L.35-38 ob.
3. Gosudarstvennyj arhiv Vostochno-Kazahstanskoj oblasti (GAVKO). F. 3. Op. 1. D. 52. L.301. Podlinnik
4. GAVKO. F.P-6. Op.1. D.67. L.L.8-10. Podlinnik
5. GAVKO. F. P-6. Op.1. D.177. L.25-26. Podlinnik
6. GAVKO. F. P-6. Op.1. D.177. L.23-24. Kopija
7. GAVKO. F. 788. Op. 1. D. 35. L. 107-116. Podlinnik
8. GAVKO. F. P-133. Op.1 D.4. L. 63-66. Podlinnik
9. GAVKO. F.310. Op.1. D.49. L.L.1-2.
10. GAVKO. F.788. Op.1 D.35. L.107-116
11. Golod v SSSR. 1929-1934: V 3 t. T. 1: 1929 – ijul' 1932: Kn. 1. M.: MFD, 2011. (Rossija. XX vek. Dokumenty). Str. 467-468, AP RF. F. 3. Op. 40. D. 77. L. 139–140. Zaverennaja kopija.
12. Zhitie Prokopa Piskunova, «kulaka» i patriota //Unesennye v nebytie, sbornik povestej, ocherkov, zarisovok. //Sost. Musin M. Sh. – Ust'-Kamenogorsk, 1998. – P. 135-138.

13. Zelenin I.E. O nekotoryh «belyh pjatnah» zavershajushhego jetapa sploshnoj kollektivizacii //Istorija SSSR. – 1989. – №2. – P.4-6.
 14. Istoricheskij arhiv, 1994. – № 4. – P.147-148.
 15. Kozybaev M.K. Problemy metodologii, istochnikovedenija i istoriografii istorii Kazahstana. – Almaty, 2006. – P. 192.
 16. Lezhanina E. Rod Egorovyh iz Soldatovo i drugie. //Gazeta «Rudnyj Altaj» №54 ot 17 marta 1989 goda, №98 ot 20 maja 1989 goda.
 17. Litvinova V.D. Interv'ju. Zapisano Komovoj Ja., g. Ridder, Selo Butakovo, 2013 god.
 18. Naselenie Kazahstana v 1917-1939 gg., 2013. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9313/> (data obrashhenija 05.09.2024).
 19. Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska.1928-1941 gg.ROSSPJeN, 1999.P. 204-225.
 20. Sovetskoe rukovodstvo.Perepiska. 1928-1941gg.ROSSPJeN,1999.P. 207.
 21. Central'nyj arhiv federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii (CA FSB RF), F.2. Op.9. D.21. LL.393-394. Zaverennaja kopija
 22. Centr dokumentacii novejshej istorii (CDNI). F. P - 3. Op.1. D.209. L.88 CDNI. F. P-3. Op.1. D.294. L.L.19-21
 23. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F.17. Op.162. D.8. LL.64-65. Zaverennaja kopija
 24. RGASPI. F.17. Op.162. D.8. L.64-65. Zaverennaja kopija.
 25. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki (RGAJe). F.7486. Op.37. D.132. L.15-5. Rotatornyj jekz. s podlinnika.
 26. XVII s#ezd VKP(b) //Stenograficheskij otchet. M., 1934. – P.58 http://www.hrono.info/dokum/1934vkpb17/2_10.php.
-